

Татьяна ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА, Сусанна БАГДАСАРЯН

СОВЕТСКИЕ НОВАЦИИ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛ И СТАНИЦ ЮГА РОССИИ В ЭПОХУ НЭПА

В статье раскрывается процесс внедрения новых советских праздников в историческую повседневность крестьянства Юга России. Показывается, с помощью каких форм воздействия на крестьянство навязывалась советская идеология в праздничной культуре.

In this article the process of introducing new Soviet holidays to historical daily life of southern Russia peasants is revealed. Forms of influence on peasants with the purpose of imposing the Soviet ideology in a festive culture are showed.

Ключевые слова:

антирелигиозная работа, заветы Ленина, избы-читальни, комсомольская ячейка, памятник, митинг, деревенская площадь, советские новации, трибуна; anti-religious work, Lenin's behests, reading rooms, Komsomol division, monument, rally, village square, Soviet innovations, tribune.

Практически на всем протяжении 1920-х гг. праздничная культура российского (в частности, южнороссийского) крестьянства оставалась преимущественно традиционной. Привнесенные в нее советские новации были отчетливо заметны и усиливались с каждым годом в результате целенаправленных действий большевиков. Процесс советизации сельской праздничной культуры, особенности проведения революционных годовщин, а также отношение к ним крестьянства Юга России, — все эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Уже 2 декабря 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР утвердил «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях», согласно которым праздничными днями признавались: 1 января (Новый год), 22 января (годовщина событий 9 января 1905 г., печально известных в отечественной истории как Кровавое воскресенье), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День Интернационала), 7 ноября (День пролетарской революции)¹. Впоследствии к отмеченным революционным праздникам были добавлены еще несколько новых. Так, в «Календаре коммуниста на 1928 г.» среди праздничных, нерабочих дней были указаны, помимо вышеперечисленных, еще день памяти В.И. Ленина (но он приходился на 22 января, т.е. совпадал с годовщиной Кровавого воскресенья), и день СССР, отмечавшийся 1 июля².

Внедряемые советской властью праздники во многом противоречили крестьянской традиции. Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров противостояния советских и церковных праздников выступает совпадение Пасхи и 1 Мая. Совпадение этих двух праздников наблюдалось в 1926 г., когда партийно-советское руководство настоятельно рекомендовало своим сторонникам практиковать относительно мягкие и осторожные методы антирелигиозной работы, чтобы не оскорблять чувства верующих. Поэтому вместо проведения «комсомольский пасхи», представлявшей собой откровенную и довольно злую пародию на одноименный христианский праздник, в текущем году было рекомендованы более осторожные действия.

Представители власти внушали комсомольцам, что в рамках

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА
Татьяна
Викторовна —
к.и.н., доцент
кафедры теории
государства и права
и отечественной
истории Южно-
Российского
государственного
технического
университета
(Новочеркасский
политехнический
институт)
p_k_t_v@mail.ru

БАГДАСАРЯН
Сусанна
Джамилевна —
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
теории и истории
государства и
права Сочинского
государственного
университета
bsd73@mail.ru

¹ Декреты Советской власти. — М., 1968, т. 4, с. 123.

² Календарь коммуниста на 1928 год. С. 16.

Первая полностью отказываться от мер по борьбе с религией не следует, но праздник «не должен носить явно выраженного антирелигиозного характера»¹, потому что «прежний опыт антирелигиозных карнавалов, их издевательского подхода к верующим, дал отрицательные результаты и только ухудшил антирелигиозную пропаганду»². Чтобы в новых условиях добиться вытеснения Пасхи Первым Мая, комсомольским ячейкам, особенно в деревне, следовало «устраивать лекции и доклады, на которых противопоставлять друг другу праздники пасхи и 1-е мая, вскрывая их классовую роль: роль праздника пасхи – содействие закабаленности трудящихся, роль 1-го мая – содействие освобождению трудящихся от кабалы».

Если центром религиозных праздников в деревне всегда являлась церковь, то организующим центром советского праздника стала деревенская площадь с расположенными на ней культурно-просветительными и административными учреждениями, трибуной и памятниками вождям коммунистического движения или борцам за идеалы социализма. Учитывая ограниченные размеры сельских поселений, старый (церковь) и новый (сельсовет, изба-читальня, трибуна, памятники) центры сельских торжеств зачастую располагались на одной и той же площади, но территориальная близость никоим образом не означала их культурно-идеологического тождества.

Поскольку в СССР праздник был секуляризован и церковь утратила в нем свою системообразующую роль, на ее место пришли представители власти и работники изб-читален (клубов), которые в советской доколхозной деревне занимались организацией торжественных ритуалов и контролем за их проведением. Трибуна также стала необходимым центральным элементом советского праздника в нэповской деревне: «...в селе праздник. Крестьян собралось до 2.000 человек. Музыка гремит. Сверкают белые платки крестьянок... Посреди деревни трибуна, выкрашенная красной краской»³. Поскольку одним из важней-

ших мероприятий в рамках советских торжеств являлся митинг, проводившим его представителям власти было намного удобнее держать речи и провозглашать лозунги с трибуны, возвышаясь над толпой и притягивая к себе ее внимание.

Что касается памятников, то для российской деревни это было совершенно новое культурное явление, привнесенное советской эпохой. Нет нужды доказывать, что ведущими функциями памятников (зачастую однотипной массовой скульптуры, которая стала феноменом советских времен) являлась политическая агитация и политическая же идентификация. Памятники не только пропагандировали идеалы коммунизма, но и постоянно напоминали советскому гражданину, в какой стране, с каким политическим режимом и каким социально-экономическим строем он живет.

В советской деревне эпохи нэпа, в которой еще не успела угаснуть память о лишениях, трагизме и героизме Гражданской войны, в которой многие крестьяне одновременно демонстрировали симпатии к советской власти и критичное отношение к большевистскому режиму, памятники зачастую сооружались не в честь живых и почивших вождей компартии (как это будет уже в следующем десятилетии), а в знак уважения к подвигам борцов за новую жизнь. Обычно сельские памятники в рассматриваемый период времени представляли собой небольшой обелиск с красной звездой наверху, сооруженный над могилами красноармейцев или «красных партизан» (последние, как правило, являлись местными уроженцами), погибших в боях с белогвардейцами. Нередко такие захоронения устраивались на центральной площади сельского поселения, превращаясь в мемориалы.

Сооружение подобного рода памятников проходило достаточно активно, поскольку в деревне оставалось немало соратников погибших «солдат революции», желавших увековечить память о них в сознании подрастающих поколений. Энергия непосредственных участников боев Гражданской войны, которые страстно боролись за сохранение памяти о минувших героических событиях и о дорогах их сердцу погибших участниках этих событий, материализовывалась в этих памятниках.

Впрочем, не все жители раздираемых

¹ К празднованию 1-то мая // Молот, 1926, 27 марта.

² Лебедев Л. Как проводить пасхальные дни // Молодой ленинец, 1926, 20 апр.

³ Куропаткина А. Вот и берите пример // Крестьянка, 1923, № 15, с. 7.

социальными противоречиями сел и станиц Юга России в 1920-х гг. расценивали советские памятники, и в том числе обелиски над могилами красноармейцев, как объект поклонения. Зажиточная верхушка деревни, которой не за что было любить советскую власть, вряд ли смотрела на такие сооружения с должным пиететом. Наиболее же негативное отношение к советской символике наблюдалось в казачьих станицах, что неудивительно: ведь большинство казаков в годы Гражданской войны воевали против большевиков и потому считали себя побежденными, а коммунистов — оккупантами¹. Так что понятно, почему осенью 1925 г. в станице Ищерской Наурского района Терского округа Северо-Кавказского края «группой хулиганов была поломана решетка и вымазан грязью памятник на могиле расстрелянных красноармейцев»².

В станице Наурской того же района во время празднования 8-й годовщины Октябрьской революции выступавший на митинге представитель Наурского райисполкома попенял местным жителям, что на торжества пришло мало казаков. Можно представить себе, как он был шокирован, когда с ответной речью выступил председатель станичного совета, резко заявивший: «Наше гордое казачество никогда не пойдет на эти могилы и не ходило, так как в них зарыты красноармейцы, которые в свое время расстреливали нас». На дворе стоял 1925 г., на который пришелся пик прокрестьянской (и, добавим, проказачьей) политики «лицом к деревне», чем, по-видимому, и объяснялось довольно непринужденное поведение председателя Наурского стансовета. Но можно практически со стопроцентной уверенностью утверждать, что рано или поздно он за него поплатился.

Приведем еще один факт, который, надо думать, был более обидным для большевиков, чем вышеприведенные примеры негативного отношения терских казаков к советским памятникам и могилам красноармейцев. На сей раз речь идет о казаках

¹ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. — Ростов н/Д, 2010, с. 14, 45–48.

² Из информационной сводки Терского окротадела ОГПУ в окружном РКП(б) о праздновании 8-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 18 ноября 1925 г. // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах. — Ставрополь, 2007, с. 317.

кубанских. Если верить Губенко, начальнику политотдела Старо-Корсунской МТС (а документации и сообщениям сотрудников политотделов МТС в большинстве случаев можно верить), то на всем протяжении 1920-х гг. в Корсунской возвышался обелиск в память о корниловцах, зарубленных красными партизанами и захороненных в станице, как будто та находилась не в СССР, и в ней не существовало советской администрации. На цоколе памятника было высечено посвящение: «Спите, орлы боевые, / Спите с покойной душой, / Вы заслужили, родные, / Славу и вечный покой»³.

Даже во время сплошной коллективизации ни местные руководители, ни активисты почему-то не тронули памятник ненавистным белогвардейцам. По словам Губенко, вплоть до осени 1932 г., когда станица за невыполнение завышенного плана хлебозаготовок была занесена на «черную доску» и здесь начались репрессии против местных жителей, «партийные и советские ее организации не осмелились стереть эту зовущую корниловскую память». После прочтения подобных сообщений понимаешь, что историческая реальность всегда многомерна и не может быть сведена к единому знаменателю.

Вместе с тем коммунистическое богорочество имело в качестве одного из результатов возникновение и закрепление в массовом сознании нового верования, которое постепенно приобрело статус религии и которым, как нетрудно догадаться, стал марксизм-ленинизм (с конца 1920-х гг. и до 1953 г. в отношении советского «символа веры» следует применять название «марксизм-ленинизм-сталинизм»). Вряд ли правомерно обвинять лидеров компартии, убежденных атеистов и материалистов, в сознательном стремлении сформировать новую религию. Очевидно, превращение марксизма из философской концепции в набор непреложных (фактически религиозных) догматов было обусловлено минимальной грамотностью огромного большинства населения СССР и особенно специфическими чертами общественного сознания, которые не могли быть устранены в исторически краткий период времени. Эти черты — богоискательство, дуализм

³ Губенко Я. Колхозы Кубани станут подлинно большевистскими // Политотделы Северного Кавказа за работой. — Ростов н/Д, 1933, с. 27.

в восприятии мира, патернализм и пр., — привели к тому, что граждане Советского Союза (Советской России) поспешили заполнить вакуум, образовавшийся в их сознании после разрушения духовной монополии православия, новыми религиозными установками в виде марксизма-ленинизма.

Соответственно, советский праздник очень скоро трансформировался из гражданского ритуала в ритуал, близкий к религиозному. Основные компоненты советского праздничного ритуала, сохранявшиеся в неизменном виде десятилетиями, создавали у сторонних наблюдателей устойчивое впечатление о его родстве с церковным действием. Шествия «трудящихся» заменили крестный ход, проводившиеся по одному и тому же сценарию митинги пришли на смену богослужению, вместо ликов святых над толпами празднично настроенных граждан СССР возносились портреты лидеров Коммунистической партии.

Первый же и вечный лидер большевиков — В.И. Ленин — после своей смерти прошел процесс мифологизации и обожествления, подобно римским императорам (правда, И.В. Сталин заметно опередил своего предшественника, потому что пережил то же самое еще при жизни). Не удивительно, что одним из важнейших элементов советского праздника (вне зависимости от того, проходил ли он в деревне или городе) стали изображения Ленина, а также постоянные напоминания о его священных заветах. Можно без преувеличения говорить о том, что в

традиционалистском сознании крестьян основатель Советского государства занял место верховного существа. Поскольку заветы Ленина приравнивались едва ли не к библейским, они постоянно озвучивались или присутствовали в виде лозунгов как в ходе различных хозяйственно-политических кампаний, так и на торжественных мероприятиях и на праздниках. Например, участники состоявшегося в июне 1924 г. 6-го Ставропольского губернского съезда комсомола заявляли, что ленинские заветы «останутся навсегда нашим победоносным светочем в борьбе с мировым капиталом к последнему и самому главному этапу через социализм к коммунизму»¹.

Но, хотя анализ сущностных характеристик советского праздника позволяет говорить о нем как о своего рода религиозном торжестве, пропагандируемые большевиками торжественные обряды внешне резко отличались от церковных. Советский праздник представлял как праздник гражданский, заметно отличавшийся от религиозного праздника. Он настойчиво внедрялся в праздничную культуру сел и станиц Юга России, а вместе с ним проникала и советская идеология. Однако о полной и окончательной победе советских новаций в 1920-е гг. говорить не приходится.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 65, оп. 1, д. 121, л. 12.